

ГЛАВА 1

— Леди Изабелла!

Настойчивый голос звучал прямо рядом с моим ухом. Высокий, с неприятными дребезжащими нотками, он вызывал неосознанное желание поморщиться. Как и назойливый аромат фиалок, витающий в воздухе.

— Леди Изабелла!

Интересно, кому так нужна эта самая Изабелла и чего вокруг столько шума?

Я собралась с силами и открыла глаза. Прямо передо мной маячила встревоженная физиономия какого-то мужчины. Взгляд выхватил длинный горбатый нос, черные, похожие на крупные бусины глаза, яркие сочные губы, которые шевелились и что-то говорили, но я не понимала ни слова.

Неужели оглохла? Угораздило ж упасть так неудачно! Вот и не верь после этого приметам. Утром соль просыпала? Просыпала. Черный кот Таисии Федоровны дорогу перешел? Перешел. Соседка с первого этажа с пустым ведром встретила? Встретила. Ну и пожалуйста. Вот вам результат — голова раскалывается, в ушах звенит, а глаза словно песком засыпало.

— Вы кто? — Я поморщилась и попыталась подняться, но тело не слушалось. Оно казалось чужим. Как и голос.

— Миледи, вы очнулись!

Ага. Значит, я все-таки не оглохла. Тогда чего этот мужик бормотал? Молитву, что ли? И почему он называет меня миледи? И вообще, где я нахожусь? Что-то не нравится мне происходящее, не похоже, чтобы я была в офисе, у нас там таких мягких диванов отродясь не водилось. Начальник все больше стулья предпочитает. Заботится о том, чтобы подчиненные от работы не отлынивали.

Я посмотрела вокруг и едва не присвистнула. Ничего себе! Вот это хоромы! Совсем как в Зимнем дворце, куда мы с Верочкой пару недель назад ходили на экскурсию. Ну точно: лепнина, по-

золота, атласные шторы с диковинными цветами, пузатый расписной шкаф из какого-то дорогого дерева, мраморный камин, изящное бюро, большая кровать, на которой я лежу и почему-то не чувствую нижнюю половину тела, а за стеклами огромных окон густо метет снег. Снег! В августе! Нет, лето в Питере, конечно, так себе, но снег... Его одними плохими приметам не оправдаешь.

— Вы не ответили на вопрос. — Я посмотрела на незнакомца, пытаюсь понять, насколько сильно ударились головой. Похоже, довольно сильно, если мозг выдал такую реальную галлюцинацию. Вон у глюка напротив даже лоб вспотел, и глазки забегали.

— Вы меня не помните?

А голос звучит неискренне. И губы кривятся неестественно, словно неизвестный пытается скрыть правду:

— Я Келд, маг вашего опекуна.

Приплыли. У меня что, есть опекун? Выходит, травма была гораздо серьезнее, чем я думала. Теперь понятно, почему я не чувствую половину тела. Наверное, частичный паралич. Вот же подстава! Ну как меня угораздило так неудачно сломать каблук? Хруст до сих пор в ушах стоит. И падение я помню, и то, как об угол стола виском ударились. Стоп. Что там Келд сказал? Маг? Только этого не хватало. Значит, один из шарлатанов тети Фимы снова объявился! Сколько я их при жизни тетушки гоняла, а они до сих пор все идут и идут. И каждый раз не хотят верить, что «благодетельницы» больше нет.

При воспоминании о тете Фиме в глазах привычно защипало. За полгода я так и не смогла смириться с ее смертью. Мне все время казалось, что однажды откроется входная дверь и войдет тетя Фима — невысокая, худенькая, подвижная, в очередном экстравагантном наряде и с ярким палантином на узких плечах. Как же рано и внезапно она ушла...

Я стиснула руки и заставила себя отвлечься от тяжелых мыслей и вернуться в непонятное настоящее:

— Значит, маг.

Я с сомнением посмотрела на проходимца, а тот с готовностью закивал.

— Это вы меня... лечите? Или нормальные врачи тут тоже есть?

— Леди Изабелла, ваш опекун делает все, чтобы вы поправились. — Физиономия Келда приняла обиженное выражение. — Лорд Давенпорт не жалеет для этого никаких средств. Вас регулярно осматривает лучший доктор столицы, а на прошлой неделе собирался консилиум, в котором участвовали главные медицинские светила Дартштейна.

Келд говорил горячо и почти искренне, вот только я не верила ни единому его слову. Было что-то двуличное и лживое в выпуклых темных глазах и в кривой улыбке порочных губ.

— И сколько я тут лежу?

— Две седмицы, — ответил Келд, и я растерянно уставилась на расшитый цветами балдахин. А потом перевела взгляд на окно и нахмурилась.

Две недели... Слов нет, одни выражения! Не может такого быть. Врет этот длинноносый, вот всей душой чувствую, что врет!

— А почему я не в больнице?

— Леди Изабелла, о чем вы? Какая больница? Лорд Давенпорт сделал все, чтобы создать вам самые лучшие условия лечения! — Келд посмотрел на меня, как на неразумного ребенка. — Ваш опекун ничего для вас не жалеет! Первые несколько дней милорд вообще от вас не отходил, так переживал!

— Но откуда он взялся? Я не знаю никакого лорда Давенпорта.

— Как это не знаете? — Келд недоверчиво прищурился. — Вы хотите сказать, что не помните лорда Давенпорта? — спросил он таким тоном, будто не помнить этого самого Давенпорта было просто невозможно.

— Именно это я вам и говорю. Не помню ни Давенпорта, ни вас, ни того, как оказалась в этой комнате.

— Простите, леди Изабелла, я позову доктора.

Келд поспешно отвел взгляд, суетливо одернул старомодный полосатый пиджак и рванул прочь из спальни, а я понаблюдала, как исчезает в высоком проеме худая, похожая на грача фигура, и попробовала поднять правую руку. С трудом, но удалось. Вот только легче от этого не стало.

— Господи, это еще что?

Я разглядывала изящную, почти прозрачную кисть, смотрела на тонкие пальчики и на круглые розовые ноготки и понимала, что схожу с ума. Рука была чужой. Уж это-то я могла определить. Где загар? Где яркий маникюр? Где шрам от падения с колеса обозрения? Где кольцо, в конце концов? Я пошевелила пальцами. Хрупкие, изящные, они послушно подчинились. Душу окатило таким ужасом, что мне захотелось громко завизжать, и лишь усилием воли я смогла сдержать этот порыв.

«Успокойся, Динка, — приказала себе самым твердым тоном, на какой была способна. — Это глюки. Скорее всего, ты сейчас лежишь в больничной палате, а мозг выдает тебе картинки несуществующей жизни. А как ты хотела? Головой ударилась? Ударилась. Вот и последствия».

— Видите, доктор Штерн, миледи пришла в себя, но никого не узнает и не помнит, что с ней случилось, — громкий голос Келда заставил меня взглянуть на открывшуюся дверь.

Ага. Глюк привел с собой еще одного. Окладистая седая борода, костюм-тройка, серебряная цепочка, свисающая из нагрудного кармана, внимательный взгляд и благообразное лицо — да у меня, оказывается, богатое воображение! Это ж надо таких колоритных персонажей придумать!

— Леди Изабелла. — Доктор Штерн остановился рядом с кроватью, потянул цепочку, доставая из кармана круглые часы, взял меня за руку и уставился на циферблат, видимо, считая пульс.

— Как вы себя чувствуете? — спустя пару минут спросил он участливо. — Что-нибудь болит?

— Вроде бы нет. Только я почему-то не чувствую ног.

— Так-так. Не чувствуете, значит. Совсем?

— Совсем.

Штерн как-то странно провел рукой над моим телом и едва заметно нахмурился, но тут же постарался придать лицу благожелательное выражение. С таким обычно врачи объявляют тяжелобольным, что не нужно отчаиваться и что все обязательно будет хорошо.

— Что ж, это не самое страшное. Главное, что вы очнулись, а все остальное поправимо, — преувеличенно бодро произнес Штерн, и я поняла, что он тоже врет.

— Простите, а что со мной было? — Я решила пока не спорить и вести себя так, будто верю происходящему вокруг.

— Вы действительно не помните? — Доктор нахмурил брови и посмотрел на меня с непонятым подозрением. — Леди Изабелла, вы упали с лестницы третьего этажа.

Да с чего вдруг? Мы с тетей Фимой всегда на втором жили.

— Вы уверены? — Я удивленно уставилась на доктора, правда, потом вспомнила, что это все не по-настоящему, и заставила себя успокоиться. — Разумеется. Как я могла забыть? А на лестнице в тот момент еще кто-нибудь был?

— Судя по рассказам слуг, только вы.

— И что, я просто так взяла и упала? — Я недоверчиво прищурилась. Доктор с магом переглянулись и замялись. — Да ладно, говорите как есть.

Я попыталась усмехнуться, но получилось неважно. Губы казались чужими.

— Может, я просто спрыгнуть хотела? — Как всегда в критической ситуации, меня тянуло на стеб, и я ничего не могла с собой поделать.

Штерн с Келдом снова посмотрели друг на друга, доктор кашлянул, а маг покраснел и выпалил:

— Ну что вы такое говорите, леди Изабелла? Конечно, вы упали совершенно случайно. Поскользнулись на припорошенной снегом площадке и... — Он не договорил, но показал руками стремительное падение.

— Подождите, что-то я не пойму, где эта лестница находится?

— Так от бельведера вниз идет, к главному входу, — пояснил Келд.

— И что, я прямо к этому самому входу приземлилась?

— Боюсь, если бы вы упали с такой высоты, мы бы сейчас не разговаривали, — вздохнул доктор. — Нет, вам повезло, падение оказалось недолгим. Вы позволите, миледи? — Штерн, не дожидаясь ответа, сжал мою правую руку и резко вонзил в нее какой-то острый предмет.

— Ай!

Это что же, я ощущаю боль даже во сне? Или это не сон? По спине пробежал холодок.

— Потерпите, миледи. Ну-ка, а так?

Штерн ухватил мою левую ногу, но я не почувствовала ни его прикосновения, ни укола тонкой иглы, которую он всадил.

— Больно? — с надеждой посмотрел на меня доктор.

Я помотала головой, пытаясь осознать, что все происходящее мне не чудится.

— Очень странно, — пробормотал Штерн. — Я надеялся, что нервные импульсы сохранились.

— Почему я ничего не чувствую? — Я взглянула на доктора, прикидывая, насколько реально происходящее. Может, все-таки глюки? — У меня что, поврежден позвоночник?

— У вас был небольшой ушиб, но он уже прошел, все кости целы, трещин нет. Пока сложно понять, почему вы так долго не приходили в себя и отчего исчезла чувствительность нижней половины тела.

Штерн отвечал мне, но выглядело это так, словно он говорит с самим собой. Кустистые брови нахмурились, глаза за круглыми стеклами очков стали задумчивыми и отрешенными, а мягкие, чуть обвисшие щеки смешно подрагивали, отчего доктор казался похожим на бульдога.

— Что ж, будем надеяться, со временем чувствительность вернется, — преувеличенно бодро сказал Штерн и добавил: — Как и память.

Да, насчет памяти — это он в точку. Мне бы очень хотелось понять, как я оказалась непонятно где и почему меня называют чужим именем. А если учесть совершенно не мою руку...

— Мне нужно зеркало.

Я посмотрела на туалетный столик и поморщилась. Далековато. С неподвижными колодами вместо ног мне до него точно не добраться.

— Присси! — позвал Келд и дернул висящий рядом с кроватью шнурок, а буквально спустя минуту в комнате появилась невысокая, очень молоденькая девушка в старомодном платье и накрахмаленном белоснежном фартуке.

На светлых волосах незнакомки топорщился смешной головной убор с острыми краями, симпатичное личико выглядело взволнованным, а большие голубые глаза смотрели пытливо и настороженно.

— Принеси миледи зеркало, — приказал Келд.

Он выпрямил спину и слегка оттопырил нижнюю губу, поглядывая на девушку с небрежным превосходством.

— Сию минуточку, тер маг, — пробормотала Присси.

Она метнулась к незаметной двери и вскоре уже стояла рядом с кроватью, вытянув руку с небольшим, заключенным в овальную раму зеркалом.

— Вот, миледи.

Девушка смотрела на меня с опаской. Интересно, чего она боится? Хотя это сейчас неважно.

Я подняла взгляд и уставилась на собственное отражение. И чем дольше смотрела, тем страшнее мне становилось. Из зеркальных глубин на меня глядело чужое лицо. Красивое, очень юное, похожее на тончайший фарфор: белоснежная кожа, высокие скулы, тонкие светлые брови, пухлые губы. И только глаза — зеленые, яркие, с застывшим в них знакомым упрямым выражением — были моими. И именно они заставляли поверить, что вот эта светловолосая девушка, отражающаяся в зеркале, действительно я.

Сердце сбилось с ритма, а потом застучало часто, как у пойманного воробья.

Я снова обвела взглядом комнату, остановилась поочередно на каждом предмете и на лицах застывших у кровати людей и поняла одну вещь. Это не сон. Это какая-то странная реальность, в которой у меня другое имя и другая внешность.

На этой мысли я почувствовала, как в груди что-то запекло, а следом в легких резко закончился воздух, и я благополучно отключилась.

* * *

Рес! Он смотрел на Вернсдофа и едва сдерживал злость. Ублодок явно что-то знает об артениде. Знает, но молчит. А лживые глазки так и шныряют по допросной, перепрыгивают с предмета

на предмет, лишь бы с ним взглядом не встречаться. Понимает, паскуда, что не просто так он тут сидит, не для мебели.

Он повернул на пальце переговорное кольцо и задумался. Может, вызвать Рэна? Нет. Рано еще. Пока этот ублюдок молчит, Давенпорт будет только мешать. Слишком правильный. Да и Герберт чересчур флегматичен, чтобы вытрясти из этого куска дерьма душу. Рес! Если допрос и дальше пойдет в таком темпе, то они тут до ночи проторчат. Попался бы ему Верн в былые времена! Он бы с ним не церемонился. Врезал бы пару раз под дых, живо бы заговорил.

— Это произвол! — будто услышав его мысли, прогундосил Вернсдоф. — У вас нет никаких улик, вы не имеете права меня удерживать.

— Нет улики, говоришь?

Он усмехнулся, а Верн съежился и прикрылся рукой.

— Я буду жаловаться, — неуверенно проскулил паскудный волк, поглядывая на него из-под локтя, как побитая шавка.

Бойтся. Правильно бойтся. Знает, что он с ним и по-другому поговорить может.

— Жаловаться, значит, — он задумчиво кивнул и обернулся к Герберту: — Не оставишь нас наедине?

Спокойно так обратился. Вежливо.

— Лорд Хольм, я не имею права, — голос полицейского заметно дрогнул. — Начальник будет недоволен, если узнает, что на допросе присутствовали посторонние, я и так нарушил правила, позволив вам находиться в допросной.

— Не трусь. С твоим начальником я сам разберусь.

Он усмехнулся шире и посмотрел на Вернсдофа.

— Только побеседую чуток с нашим гостем и разберусь. Уверен, проблем не будет.

— Я скажу! — торопливо просипел Верн, потирая заросшую щеку кривым пальцем. — Я все скажу! Сам. Только запишите, тер полицейский, что я добровольно признался!

— Ну вот и славно, — ласково сказал он, но Герберт и задержанный испуганно переглянулись. — Что ж, я слушаю. У кого, говоришь, Бавес украл артефакт?

* * *

Второй раз возвращение к жизни далось гораздо легче. Я уже проще отнеслась к окружающей действительности и даже попыталась подвести «научную базу» под происходящее. Скорее всего, травма, которую я получила в тот злосчастный понедельник на работе, оказалась несовместимой с жизнью, и меня перенесло

в другую реальность. А что? Сколько раз вместо того, чтобы писать финансовый отчет, я зачитывалась книгами о других мирах, и мечтала попасть в один из них? Вуаля! Мое желание исполнилось. А то, что я оказалась на месте парализованной после падения леди, так это дело поправимое. Я буду не я, если не подниму эту белоснежную деву с одра болезни и не разберусь, кто она такая и почему я попала в ее тело. И куда, кстати, делась его настоящая владелица.

— Миледи, вы проснулись! — пискнул кто-то справа от меня, и я едва не подскочила от неожиданности.

Да что ж такое-то! Ни минуты не дадут побыть в одиночестве.

— Присси?

Я открыла глаза и уставилась на застывшую в паре шагов от кровати девчущку. Та смотрела недоверчиво, исподлобья и нервно кусала тонкие обветренные губы.

— Доктор велел быть с вами, пока вы не очнетесь, — сложив руки за спиной, тихо сказала Присси и покраснела.

Интересно, чего она так боится? Или правильнее будет спросить: кого?

— Поможешь мне сесть?

Я решила не обращать внимания на поведение служанки. Пока что все, с кем я успела познакомиться в новом мире, вели себя странно. Такое ощущение, что и Келд, и Присси, и доктор Штерн что-то знали и старались от меня скрыть. Вот только не на ту напали. Мне бы оглядеться немного, а там я обязательно выясню, что происходит.

— Миледи. — Присси обхватила меня за талию и помогла приподняться, а потом ловко сунула под спину подушку и поправила оборки тонкой сорочки. — Что-нибудь еще, миледи?

— Я хочу умыться.

— Слушаюсь, миледи, — тут же откликнулась служанка, но испуганно-настороженное выражение так никуда и не делось с ее лица.

Правда, это не помешало Присси шустро притащить небольшой фарфоровый тазик с водой и лоскут ткани, которым она и принялась водить по моему лицу. Движения служанки были несмелыми и неловкими, но я терпела. Вот только надолго меня не хватило.

— Ну-ка, дай сюда. — Я забрала у Присси влажное полотенце, приспустила бретельки сорочки и вытерла шею и грудь, которая, кстати, оказалась немного больше моей прежней. Хорошая такая троечка вместо неполной двоечки. Нет, на свою я никогда не жаловалась, но кто ж откажется от хорошего объема в нужном месте?

— Миледи, доктор сказал, что вы должны поесть, — пискнула Присси. — Я принесу обед?

При слове «еда» желудок сжал спазм, а рот наполнился горькой слюной. М-да, похоже, для обеда еще рановато.

— Не нужно.

Я помотала головой и почувствовала, как перед глазами снова все поплыло. О нет. Только очередного обморока не хватало!

«Динка, перестань изображать кисейную барышню и немедленно соберись!» — сказала я себе и сжала кулаки.

Организм проникся внушением, и белые круги перед глазами растворились и исчезли. Ну вот, так-то лучше.

Я посмотрела на горничную:

— Присси, а маг сейчас здесь?

— Нет, миледи. Он живет в трех кварталах от Венге-роуд.

— А доктор?

— Ушел, миледи.

— И часто они тут бывают?

— Пока вы были за Гранью, тер маг неотлучно находился при вас, а доктор Штерн заходил два раза в день.

— Скажи, Присси, а кто живет в этом доме? — Я разглядела ладонями покрывало и внимательно посмотрела на служанку.

— Вы, миледи, — растерянно моргнула та.

— А кроме меня?

— Слуги, миледи.

— А мои родные?

— Так у вас никого нет, миледи. Только лорд Давенпорт.

Вот уже третий раз я слышу это имя. И почему-то оно мне совсем не нравится. Отдает чем-то английским и непомерно чопорным.

— Мой опекун?

— А вы правда ничего не помните, миледи? — с сомнением посмотрела на меня Присси, и в ее глазах мелькнул и тут же погас опасливый огонек.

— Ничего, — почти искренне вздохнула в ответ и спросила: — Так что с моим опекуном? Кто он такой?

— Лорд Давенпорт? — снова переспросила Присси, и мне захотелось встряхнуть ее, чтобы она перестала отвечать вопросом на вопрос. — Он давний друг леди Летиции. Ваша тетя ему очень доверяла, поэтому в завещании указала его вашим опекуном.

— Выходит, раньше я жила здесь с тетей?

— Ну да.

— А мои родители?

— Я не знаю, миледи. Вы сирота, старые слуги говорили, что леди Летиция привезла вас из Эрголя совсем маленькой.

Ну надо же! Как похоже на мою другую жизнь. Тетя Фима тоже воспитывала меня одна. Забрала у матери, когда мне исполнилось

четыре года, перевезла из Томска в Питер и заявила мужу, что я буду жить с ними. Вскоре после этого муж тети Фимы собрал вещи и исчез в неизвестном направлении, а мы так и остались вдвоем. И жили вместе до того самого дня, как тетушка угодила под машину. А потом и меня угораздило надеть на работу новые туфли и в итоге попасть в другой мир. И как я умудрилась сломать каблук? Не иначе, сглазили. Точно. Люська с такой завистью смотрела, прямо взглядом облизывала мои «Эталони». «Что, Динка, неужели наконец-то богатого мужика завела?» — словно наяву услышала ехидный голос коллеги, будь она неладна. Можно подумать, что для того, чтобы купить хорошую обувь, нужно непременно заводить мужика. Хотя, если бы не финальная семидесятипроцентная скидка, я бы эти туфли в жизни не купила. И не было бы теперь вот этого всего.

Я обвела взглядом просторную комнату, задержавшись на потрескивающем дровами камине, и спросила:

— И что, никому не известно, кем были мои родители?

— Наверное, об этом знает лорд Давенпорт, — нахмурилась Присси. — Он ведь ваш опекун.

Я почувствовала, что если служанка еще раз произнесет слово опекун, то я точно сорвусь. Какой может быть опекун у взрослой двадцатисемилетней женщины? Хотя да, о чем я? Судя по виду этой самой Изабеллы, ей не дашь больше восемнадцати.

Интересно, куда она сама подевалась? И узнаю ли я когда-нибудь, что с ней произошло?

— Так вам обед принести, миледи? — пискнула Присси, но тут же смущенно потупилась и густо покраснела, словно сама испугалась собственной смелости.

— Не нужно. Подай мне воды и можешь идти. Я хочу побыть одна.

Я чувствовала настоящую потребность остаться наедине с собственными мыслями и попытаться проанализировать происходящее. Странно все-таки. Никогда не думала, что окажусь в другом мире, да еще и во времени, напоминающем то ли конец девятнадцатого, то ли начало двадцатого века.

«Вот так и бывает, Динара Витальевна, живете себе, живете, а в один прекрасный день — бац! И вы уже леди Изабелла, юная девица с парализованными ногами, потерей памяти и кучей загадок вокруг. И что думаете делать?»

А чего тут думать? Как любила говорить тетя Фима, главное — живы, а со всем остальным разберемся. Вот только разбираться нужно поскорее. Не нравится мне окружение этого нежного цветочка. Что-то они все скрывают. Еще и опекун... Надо бы с ним пообщаться, прощупать, чем он дышит. Но сначала нужно найти средство передвижения. Интересно, у них тут инвалидные коля-

ски есть? Если нет, придется изобрести, потому что я не собираюсь лежать безвольным овощем и терпеть вранье окружающих. Нужно выбираться из комнаты и своими глазами посмотреть, что происходит в доме. Да и лестницу посетить не мешало бы. Полубоопытствовать, как же это Белла умудрилась с нее упасть?

Я смотрела в окно на медленно кружащиеся снежинки и составляла план новой жизни, стараясь не думать о прошлом и об оставленных в Питере друзьях и Славике. Правда, мысли о привычном мире все равно просачивались. Вспоминались тетя Фима, кутающаяся в ажурную вязаную шаль и раскладывающая на старинном круглом столе очередной пасьянс, крошечная квартира в Кузнечном переулке, маленькие, вытянутые больше вверх, чем вширь, комнаты, и подтекающий кран в ванной. И хотелось снова оказаться на уютной кухне с высокими потолками, взять в руки тонкую фарфоровую чашку и сделать глоток восхитительно крепкого кофе.

Я так явственно представила обжигающе горячий, насыщенно-горький эспрессо, что даже вкус его во рту ощутила. Вот чего мне не хватает! Интересно, а в этом мире выращивают кофе?

«Не о том думаешь, Динка. Не до кофе сейчас, надо решать, что делать».

Я внимательно оглядела комнату.

А что тут думать? И ежу понятно, что на первых порах лучше поменьше болтать и побольше слушать. Ну а дальше потихоньку разберусь. С чем только современная русская женщина не справится! Избы и кони — это вчерашний день, мы теперь без дела в огонь не лезем и скакунов на ходу не останавливаем, зато с легкостью можем начать жизнь с нуля.

Я посмотрела на укрытые покрывалом неподвижные ноги и заставила себя улыбнуться. Ничего. И с этим разберусь. Раз уж судьба забросила меня в другой мир, то наверняка не для того, чтобы я в постели валялась. Нет. Однажды я встану. Обязательно. И постараюсь устроить жизнь так, чтобы ни от кого не зависеть.

— Присси! — я громко позвала служанку и только потом вспомнила, что для ее вызова есть звонок, и дернула свисающий над кроватью шнурок.

— Миледи? — Личико Присси все еще выглядело настороженным, но в глазах уже не было прежнего страха.

— Я хочу видеть своего опекуна. Можешь это устроить? И принеси обед.

Аппетита по-прежнему не было, но я понимала, что, если хочу восстановить силы, мне необходимо поесть.

— Слушаюсь, миледи, — пискнула служанка и тут же исчезла за дверью.